

УДК 82.091(=1.4)/(=1.9)

«КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ»:

АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ

Орехов В. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: mengjia9339@mail.ru, v-orehov@mail.ru

В статье исследуются мотивы, побудившие А. С. Пушкина к созданию стихотворения «Клеветникам России». Пушкинский текст рассматривается в контексте российских общественных представлений о «польском вопросе», а также русско-французских отношений той поры. Анализ литературного материала позволяет заключить, что стихотворение «Клеветникам России» создавалось в соответствии с политическими убеждениями А. С. Пушкина, для которого «польский вопрос» являлся результатом стечения исторических факторов и делом исключительно русско-польских двусторонних отношений. Незаурядная роль, которую играл Пушкин в современной ему русской литературе, побуждала поэта выразить общественные взгляды и настроения в поэтической форме, таким образом предложив читателю вариант общенационального ответа на враждебную риторику со стороны Европы. **Ключевые слова:** имагология, А. С. Пушкин, национальный имидж, национальный стереотип, литературная репутация.

ВВЕДЕНИЕ

В августе 1831 г. в связи с событиями Польского восстания А. С. Пушкин написал оду «Клеветникам России», которая вызвала необычную читательскую реакцию. С одной стороны, публикация стихотворения была однозначно поддержана Николаем I, у которого поэт числился в списке «неблагонадежных». А с другой – пушкинский текст спровоцировал раздражение либеральной части общества, в том числе – ближайших друзей поэта. П. А. Вяземский, который был противником восстания [14, с. 263], тем не менее написал Пушкину разочарованное послание, в котором, по собственным словам, попытался «оцарапать» его. Из письма следовало, что «Клеветникам России» – это «шинельные» стихи, то есть Вяземский упрекал Пушкина в переходе на позиции казенной литературы [9, т. 11, с. 151–152]. В том же грехе, кстати, Вяземский упрекал и В. А. Жуковского, который выступил в печати в унисон с Пушкиным. Впрочем, это письмо в руки Пушкина не попало: Вяземский, видимо, опасаясь перлюстрации, не решился отправить «царапающее» послание.

Словом, стихотворение «Клеветникам России» серьезно повлияло на литературную репутацию А. С. Пушкина, поскольку, перекликаясь с публикациями официальной прессы [13, с. 193], сигнализировало о солидарности поэта с официальной точкой зрения. И причины этой солидарности некоторые читатели, скажем, Н. А. Мельгунов, расценили как «честолюбие» и «златолюбие» [16, с. 426]. Пушкин должен был предвидеть, что это стихотворение, а также написанное вскоре за ним стихотворение «Бородинская годовщина» (5 сентября 1831 г.), навлекут на него обвинения в отказе от поэтической независимости в пользу казенных преимуществ, однако решился на их публикацию [11 с. 5–7] – невзирая на репутационные издержки. Возникает вопрос: почему?

Цель статьи – выяснить мотивы, побудившие А. С. Пушкина к созданию и публикации стихотворения «Клеветникам России». Это подразумевает необходимость решения следующих **задач**: выявить особенности отношения поэта к «польскому вопросу»; рассмотреть стихотворение в контексте русско-французских отношений эпохи Польского восстания 1830–1831 гг.; решить вопрос об адресате пушкинского текста. **Объект** статьи – русско-французский имагологический диалог, предмет – поэтическая реакция Пушкина на французское вмешательство в «польский вопрос».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

«Польский вопрос» и логика исторической неизбежности

Пушкинское стихотворение носит не просто лозунговый характер, выражающий накал патриотического пафоса в обществе, но представляет собой некую историческую концепцию, в которую «вписаны» актуальные политические события. И симптоматично, что в самом начале текста Пушкин называет Польшу Литвой. Поэт таким образом стремился акцентировать внимание на древности межславянского «домашнего старого спора», о котором речь во второй строфе:

*Уже давно между собою
Враждуют эти племена;*

Это «отсылает» читателя к предыстории «польского вопроса», актуализирует «фоновые» исторические знания, бытующие в обществе и охватывающие ключевые события. Несложно реконструировать основное содержание этих знаний, восходящих к эпохе существования польско-литовского государства, известного под названием Великого княжества Литовского и существовавшего с XIII в.

Это княжество некогда было главным соперником Московского государства в Восточной Европе и в значительной степени состояло из земель, завоеванных у соседей. Среди прочего – из земель бывшей Киевской Руси: Белоруссии, основной части Украины и части Молдавии. В отношении Московии политика Литовского княжества была исключительно агрессивной. Опираясь на польские войска, к власти прорывались и Лжедмитрий I, и Лжедмитрий II. С 1610 по 1612 г. Москва была оккупирована польско-литовскими войсками. Все эти знания были живы в российском обществе, скажем, благодаря знаменитой «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, содержащей множество «польских экскурсов» [1, с. 20]. Важно, что последний том карамзинской «Истории...», вышедший в 1829 г. (т. е. незадолго до Польского восстания), как раз и завершался рассказом о «неистовствах поляков» в захваченной Москве. Вот характерная цитата, повествующая о московском пожаре 1611 г.: «<...> Ляхи с гордостью победителей возвратились в Китай и Кремль любоваться зрелищем, ими произведенным: бурным пламенным морем, которое, разливаясь вокруг них, *обещало* им *безопасность*, как они думали, не заботясь о дальнейших вековых следствиях такого дела и презирая месть россиян!» [12, с. 291]

Как известно, позднее было освобождение от шляхты земель, утраченных в период смутного времени. А еще позднее междоусобицы и распри с соседями привели польско-литовское государство к упадку. Но даже в таком состоянии Польша продолжала будоражить европейскую политику. И об этом читатели Пушкина знали уже по рассказам своих старших современников, принадлежавших к поколению «времен Очаковских и покоренья Крыма». В 1768 г.

России удалось добиться, чтобы власти Польши уравнили своих православных граждан, подвергавшихся систематической дискриминации, в правах с католиками. (А заметим, что основная часть православных подданных Польши – украинцы и белорусы). Этого оказалось достаточным, чтобы в Польше вспыхнуло восстание конфедератов, которые обратились за помощью к Турции, пообещав султану в случае победы над Россией передать в состав Османской империи Западную Украину. То есть шляхта была готова скорее развязать войну и пожертвовать территорией, нежели признать за православными равные права с католиками. Война действительно началась, но была Турцией проиграна. А потому Западная Украина султану не досталась.

Поскольку в Европе за Польшей укрепилась репутация непредсказуемого и беспокойного государства, Пруссия предложила Австрии и России отторгнуть от Польши земли, которые считались спорными. Так, в 1772 г. произошел первый раздел Польши, в результате которого Австрия взяла себе Львов, Пруссия – провинцию, которая и называлась Королевской Пруссией, а Россия – часть Белоруссии. Во время очередной русско-турецкой войны в Польше утвердилась антироссийская партия, что поставило под угрозу западную границу России. Чтобы решить борьбу за Польшу полюбовно, Россия и Пруссия в 1793 г. подписали договор о втором разделе, причем Пруссии отошли земли с этническим польским населением, а России – Волынь, Подолье и Литва. Однако и после этого ситуация в Польше не улеглась. Было восстание Костюшко, после которого Польша в 1795 г. была окончательно разделена между Австрией, Пруссией и Россией. Позднее Наполеон на короткое время восстановил государственность Польши, и польские военные в составе наполеоновских войск устремились на захват России и снова побывали в Москве, предавая ее огню и мечу. Результат был предсказуем: после падения Наполеона его союзница Польша оказалась трофеем России-победительницы. С 1814 г. Польша на правах особой автономии под названием Царства Польского стала частью России. Она имела свою конституцию, законы для Польши создавались местным парламентом – сеймом, более того – у Польши была собственная армия. То есть автономия была реальной. Тем не менее, в 1830 г. в Польше вспыхнуло очередное

восстание. Причем целью было не только собственное отделение от России, но еще и отторжение от Российской империи Украины и Белоруссии.

Эта цепочка событий (в пушкинской поэтической терминологии – «сии кровавые скрижали») закономерно рождала в сознании современников поэта убежденность, что сохранение Польши в составе Российской империи, это не результат «политических иллюзий» [24, с. 154] (по выражению одного современного автора), а – политическая неизбежность. Как присоединение Крыма в свое время было единственным способом оградить южные рубежи от набегов и турецкой агрессии, так и принятие под российскую державу Польши – было единственной гарантией безопасности западных границ.

Оба «польских» стихотворения Пушкина как раз и подводили читателя к той мысли, что подавление польского мятежа – не месть за прошлые обиды («Мы не сожжем Варшавы их; / Они народной Немезиды / Не узрят гневного лица»), а следствие исторической логики. То есть позиция Пушкина (и, надо полагать, основной части читателей, приветствовавших его «польские» стихи) основывалась не на «имперских настроениях», а на политических убеждениях, вызревших на почве исторических фактов. И совпадение этих убеждений с официальной позицией было обусловлено объективными условиями, а не результатами казенной пропаганды или корыстолюбием. Думается, Пушкин надеялся, что акцент на предыстории «польского вопроса» убедит читателя в этом. И значительная часть публики действительно восприняла стихотворения Пушкина как яркое выражение собственных взглядов. Это подтверждается популярностью обоих текстов. По воспоминаниям Ф. Ф. Вигеля, в Петербурге стихам Пушкина с «живым участием рукоплескали» [7, с. 581], а по утверждению графини А. Д. Блудовой, «они повторялись всеми с увлечением» [6, с. 738]. Позднейшие критики также высоко оценивали стихотворение. По мнению Белинского, «“Клеветникам России” и “Бородинская годовщина” Пушкина, хотя и дышат бурным, пламенным дифирамбическим вдохновением, но <...> не могут быть названы гимнами или дифирамбами в строгом смысле, потому что в них слишком заметна личность поэта» [3, с. 47]. Под «личностью поэта» Белинский, надо полагать, подразумевал индивидуальные, искренние (а не обусловленные требованиями жанра

или политического заказа) чувства. То же самое, кажется, имел в виду и Чернышевский, когда утверждал, что «Пушкин был <...> свободен, когда писал “Клеветникам России” или “Руслана и Людмилу”» [20, с. 299].

Русско-французский диалог

Однако, кроме стремления поэтически сформулировать общественную позицию в отношении «польского вопроса», Пушкиным, думается, руководил и более важный мотив. Обратим внимание, что стихотворение «Клеветникам России» обращено вовсе не к восставшим полякам, а к французским парламентариям, или «народным витиям».

В доступных широкой аудитории комментариях Б. В. Томашевского к 10-томному собранию сочинений поэта можно прочесть, что «поводом к стихотворению послужили речи во Французской палате депутатов (Лафайета. Могена и других), призывавшие к вооруженному вмешательству в русско-польские военные действия» [22, с. 460]. Поскольку эти комментарии не цитируют сами речи французских депутатов, то у читателя складывается впечатление, что враждебные высказывания французских «витий» – действительно лишь внешний повод для поэта, чтобы достичь некой главной цели, а именно – поэтически оформить свое отношение к «польскому вопросу».

Такому пониманию вещей, во-первых, противоречит сам пушкинский текст, основная часть которого посвящена вовсе не Польше, а русско-французским отношениям, начиная с Московского похода. Во-вторых, для понимания мотивов, руководивших поэтом, необходимо учитывать как конкретику французских парламентских заявлений, так и общий контекст русско-французских отношений той поры.

Что касается конкретики французских выступлений, то она исчерпывающе представлена в богатой материалом, но, к сожалению, ставшей редкостью книге известного слависта В. А. Францева «Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.», изданной в Праге в 1929 г. Здесь цитируются те самые речи французских депутатов,

вызвавшие гневный отклик Пушкина. Обратимся к ним и мы, переведа особенно показательные фрагменты на русский язык.

Хотя польский бунт по любым международным стандартам являлся исключительно внутренним делом России, намерение Николая I усмирить польское возмущение вызвало взрывную реакцию. В январе 1831 г. депутат Моген заявлял: «Россия желает двинуться на Францию: это Польша пока задерживает ее. Нам посчастливилось, а поляки несчастны...». В апреле он снова убеждал: «Сейчас намерение России нам известно – мы знаем, что она решилась на войну» [27, с. 9]. 11 августа депутат Лараби выразился совершенно определенно: «В этот момент наши самые преданные союзники <...> расплачиваются <...> за ту благородную храбрость, с которой они остановили варварские орды России... Что касается России, к чему нам щадить ее? Разве она когда-нибудь скрывала свои враждебные замыслы против нас?» [27, с. 12].

Подобная риторика превратилась для французского парламента в норму. В общественном мнении росла ненависть к России. Академик Е. В. Тарле, исследовав французские настроения той поры, отмечал, что после известия о взятии Варшавы Париж в течение нескольких дней был охвачен антироссийскими манифестациями, а все театры отменили представления: «Крики “Смерть министрам!” гремели по городу, – реконструирует ситуацию Тарле. – <...> Роялистская газета “La Quotidienne”, умеренно-либеральная “Journal des Débats”, оппозиционная “Le National” и другие влиятельные органы в разной степени выражали свою скорбь по поводу торжества Николая» [25, с. 21]. Важно заметить, что парижская пресса, ярко отражавшая враждебность общественного мнения не только к политике Николая I, но и к России, была доступна и российскому читателю, в том числе и Пушкину.

Разговоры французских парламентариев о военной угрозе со стороны России не имели под собой фактической почвы. Но раскрученная истерия сама по себе становилась почвой для развязывания войны, где нападение на Россию воспринималось бы как упреждающий удар по «русской угрозе». Пушкин сознавал эту опасность. 1 июня 1831 г. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «<...> Народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навяжется на нас Европа. Счастье еще, что мы

прошлого году не вмешались в последнюю французскую передрагу! А то был бы долг платежом красен» [23, т. 14, с.169]. «Ты знаешь, – сообщал Пушкин П. В. Нащокину 21 июля 1831 г., – что Вислу мы перешли, не видя неприятеля. С часу на час ожидаем важных известий и из Парижа; дело, кажется, обойдется без европейской войны. Дай-то бог» [23, т. 14, с.197]. 11 сентября 1831 г. он писал П. Л. Осиповой: «Не буду говорить вам о взятии Варшавы. Вы представляете себе, с каким восторгом мы приняли это известие после 9-месячных тяжелых неудач. Что скажет Европа? Вот вопрос, который нас занимает» [23, т. 14, с. 436].

Пушкинское поколение хорошо понимало, что враждебность французского общественного мнения формировалась давно, а во время Польского восстания лишь выплеснулась наружу. Некогда Париж чествовал русских солдат – победителей «корсиканского чудовища», однако к искренней радости изначально примешивалась изрядная доля уязвленной поражением национальной гордости. Постепенно ужасы наполеоновского режима забывались, а желание национального реванша обострялось. Но реванш был невозможен, пока Россия исполняла главную роль в политической жизни Европы. Объективной причиной постоянно нараставшей напряженности было стремление Франции увеличить свое международное влияние, что можно было осуществить только за счет сужения возможностей России. Так что Франция видела в России наиболее сильного из всех своих противников, а французская пропаганда успешно реанимировала самые «страшные» российские мифы. Польское восстание – лишь очередной повод заразить массы ненавистью к мифической «русской угрозе».

Для Пушкина было очевидным, что истинная причина враждебности вовсе не в сочувствии французских депутатов к Польше, а в ненависти к России: «Оставьте нас: вы не читали / Сии кровавые скрижали; / <...> И ненавидите вы нас...»

Кстати, эти пушкинские слова десятилетием позднее подтвердил и сам французский депутат Моген, чью воинственную речь мы только что цитировали. Летом 1840 г. он приедет в Москву и, встречаясь со славянофилами А. С. Хомяковым, Ю. Ф. Самариным и К. С. Аксаковым, заявит: «Мы не против России и совсем не за поляков; поддерживая поляков в 1830 г., мы защищали только

себя. Ваш государь хотел напасть на нас. <...> Владейте Польшею, возьмите Константинополь, только не трогайте нас. Но ваш государь не любит нас, и мы должны опасаться его беспрестанно» [2, с. 479]. Трудно сказать, какое чувство преобладало во французском обществе в пору польского восстания: страх перед Россией или ненависть к России. Но важно, что два этих чувства представляли собой взрывоопасную смесь, постепенно набирающую критическую массу и тотально подчиняющую себе общество.

Скажем, Беранже в 1830 г. написал стихотворение «Песнь казака». Русский казак – сын Аттилы – якобы направляется на завоевание Европы и взывает к своему скакуну:

*Неси меня в убежище искусств!
К мятежной Сене мчись, в разлив просторный,
Уж дважды раны омывал ты в ней.
Встряхни же гривой, о, скакун проворный,
И в прах топчи народы и царей!* [5, с. 586]

Виктор Гюго тогда же записал в своем дневнике: «Весной будет нашествие русских» [10, с. 148].

Нагнетание антироссийских настроений действительно привело к войне, правда, не в 1831 г., а в пору Восточного кризиса 1853–1856 гг., когда Англия и Франция высадили свой десант на российской территории под тем предлогом, что только так можно противостоять «русской угрозе». Причем французским обществом эта война была воспринята с истинным энтузиазмом. Е. В. Тарле, изучив французскую прессу кануна и начала Крымской войны, пришел к однозначному выводу: «<...> Когда Наполеон III по личным своим соображениям счел нужным начать войну против России, то он встретился с единодушной поддержкой самых разнообразных общественных классов и политических партий – от старого дворянства до рабочих, от клерикалов до социалистов. <...> Франция явилась самым сильным из всех членов коалиции, <...> и этот член коалиции пошел в бой с тем одушевлением, которое никакими дипломатическими или династическими мотивами объяснить нельзя» [25, с. 15].

Кто адресат?

Хотя стихотворение «Клеветникам России» и обращено к французским депутатам, вопрос об истинном адресате этого поэтического послания не вполне очевиден. По верному наблюдению О. С. Муравьевой, «Пушкин <...> обращается именно к европейским политикам и журналистам», но в то же время «стихотворения, формально адресованные французским депутатам, реально предназначались все-таки русской аудитории» [17, с. 199].

В сентябре 1831 г. П. А. Вяземский на страницах своей записной книжки усомнился в целесообразности пушкинского обращения к «народным витиям»: «Пушкин в стихах своих: “Клеветникам России” кажет им шиш из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, отвечать не будут на вопросы <...>» [8, с. 154]. Можно согласиться с тем, что Пушкин сознавал: его гневные строки не достигнут трибун французского парламента. Зачем же тогда поэт обращал свои стихи недостижимым адресатам?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует всмотреться в один из важных феноменов русской литературы XIX в. Речь идет о реакции русских литераторов на европейские тексты о России. Обостренный интерес к этим текстам был порожден победой над Наполеоном. Тогда стало особенно очевидным несоответствие между европейскими представлениями о России как отсталой, варварской стране, и настоящим положением вещей, ролью, которую сыграла Россия в освобождении Европы. Многие литераторы ограничивались тем, что коллекционировали иностранные тексты о России, благодаря чему, кстати, появилось знаменитое отделение «ROSSICA» Российской национальной библиотеки. Иные предпринимали переводы и комментированную публикацию иностранных «сказаний» о России. Такого рода публикаций в периодике того периода мы встречаем во множестве, в том числе – и в пушкинском «Современнике», причем в подготовке самого Пушкина [18, с. 34–35].

Осмысление отдельных зарубежных источников на определенном этапе позволяло выявить «общие места» иностранных «сказаний» о России, выделить

веками существующие негативные штампы и осознать потребность в разрушении несправедливых стереотипов, защите национального имиджа. К моменту создания Пушкиным стихотворения «Клеветникам России» необходимость ответа на неверные суждения иностранцев о России воспринималась как общенациональная задача, к решению которой стихийно подключались историки, публицисты, издатели. И по объяснимым причинам особая миссия в этом процессе была предназначена русской литературе. Так что среди литераторов той эпохи мы не сможем назвать, пожалуй, ни одного имени, не причастного к этой сфере межнационального диалога [18].

Но характерно, что наибольшая часть «ответов» на иностранные мнения оказывалась в отечественной печати, а не в европейской, адресовалась российскому читателю. И происходило это потому, что «ответ» на иностранные нападки должен был подвергнуться общенациональному осмыслению в России – литература выполняла роль кафедры при всенародном обсуждении вопроса, как вести себя с иностранцами, что рассказывать им о России и как отвечать на их выпады против России.

Отдельные литераторы при этом исполняли роль всероссийского рупора, формулируя в своих произведениях общенациональную позицию. По крайней мере, две причины объясняют, почему в 1831 г. Пушкин решился взять на себя эту роль. Во-первых, поэт вообще был щепетилен в вопросах отечественного престижа и исторической справедливости. Летом того же года, ходатайствуя о разрешении «взяться за редакцию политического и литературного журнала», Пушкин набрасывал в черновике и такое, например, предложение: «Ныне, когда <...> озлобленная Европа нападает покамест на Россию не оружием, но ежедневной, бешеной клеветою <...>», «пускай позволят нам, русским писателям, отражать нападения иностранных газет» [23, т. 14, с. 283].

Во-вторых, Пушкин, конечно, сознавал, что достигнутый им уровень литературной славы побуждает отечественного читателя «делегировать» ему роль представителя русской культуры в непрерывном межкультурном диалоге. Порою эти читательские чаяния высказывались совершенно прямолинейно. В декабре

1825 г. Е. А. Баратынский зывал к нему: «Возведи русскую поэзию на ту ступень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами. Соверши один, что он совершил один; а наше дело – признательность и удивление» [23, т. 13, с. 253]. В 1830 г. подобный призыв обращал к Пушкину С. П. Шевырев: «Ты русских дум на все лады орган! / Помазанный Державиным-предтечей, / Наш депутат на европейском вече, / Ты – колокол во славу россиян!» [21, с. 191].

Пушкин не мог игнорировать той «представительской» роли, которая поручалась ему российской публикой. А эта роль – «депутат на европейском вече» – требовала от поэта подать свой голос в трудной для России ситуации. И он его подал – предложил отечественной публике возможный вариант ответа «клеветникам России». А публика была вольна решать, принимать ли этот вариант в качестве окончательного ответа или продолжить поиски аргументов и формы, в которую следовало бы облечь «речь» в защиту своей страны.

Иными словами, пушкинский текст был адресован воинственно настроенным французам, но – опосредованно: идея, заключенная в этом тексте, поэтические формулы и пафос этого текста должны были быть «одобрены» отечественным читателем и им же переданы адресату.

Дальнейшая история литературы показала, что многие известные литераторы последовали по пути Пушкина и в напряженные моменты истории создавали поэтические отповеди «клеветникам России», явно ориентируясь на пушкинский текст и игнорируя угрозу быть обвиненными в заигрывании с властью. В 1835 г. Лермонтов написал собственный ответ «клеветникам России» («Опять народные витии...»), который был рассчитан на звучание в унисон с пушкинским стихотворением. Причем Лермонтов оценил пушкинский текст как результат нового и плодотворного для Пушкина творческого этапа:

*Уж вас казнил суровым словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна... [15, с. 360]*

В 1855 г., когда французы уже не просто угрожали России с парламентских трибун, а бомбардировали Севастополь, даже В. Г. Бенедиктов, редко касавшийся политических тем, написал стихотворение «К отечеству и врагам его». Это был очередной вариант ответа «клеветникам России»:

*Вы с трибун, где дар витийства
Человечностью гремел,
Прямо ринулись в убийства,
В грязный омут бранных дел [4, с. 327-329].*

Заметно, что пушкинская традиция руководила и позицией Тютчева. В период очередного польского восстания 1863 г. воспитанный на европейской риторике генерал-губернатор Петербурга А. А. Суворов, внук полководца, отказался подписать приветственный адрес усмирителю Польши генералу М. Н. Муравьеву, назвав его «людоедом». Тютчев в связи с этим бросал презрительные строки:

*Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!.. [26, с. 333]*

Подобные примеры можно множить почти бесконечно, но наиболее показательной является позиция в этом вопросе П. А. Вяземского, который в 1831 г. упрекнул Пушкина за «шинельные» стихи. В период Крымской войны он находился на лечении в Европе и наблюдал, как пропагандистская машина Европы разжигает антироссийскую истерию и провоцирует вполне реальные военные действия. И что же? Вяземский не только ввязался в журнально-газетную полемику, но еще и опубликовал целый сборник «шинельных» стихов. Сборник назывался «К ружью». Вот характерные строки из него:

*Закипи, святая сеча!
Грянь наш крик, побед предтеча:
Русский бог и русский царь! [9, т. 11, с. 41]*

Тогда же он издал в Европе брошюру «Письма русского ветерана 1812 г.», где изобличал ложные суждения европейцев о России. «В издаваемых нами письмах, –

сообщал Вяземский в предисловии, – решительно и бесповоротно опровергаются бесчисленные неправды, с такую назойливостью распускаемые этим роем писателей, подкупленных, запуганных или увлеченных неразумным предубеждением» [9, т. 6, с. 267]. Что характерно, эти публикации порою на самого Вяземского навлекали упреки в казенном патриотизме [19, с. 42].

По существу, в 1854 г. Вяземский повторял путь, которым Пушкин прошел в 1831 г., когда ожидал столкновения с Францией по поводу польского вопроса. Крымская война не прошла для Вяземского бесследно, и в 1863 г., в эпоху очередного польского кризиса он писал свой ответ «клеветникам России» – стихотворение «Французские журналы»:

Французским крикунам молчанье хуже пытки

<...>

Теперь они ордой на нас восстали дружно.

Им верить – пробудил в них жалость Польши стон;

Нет, власть законную поколебать им нужно:

Им нравится мятеж, какой бы ни был он [9, т. 12, с. 14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стихотворение «Клеветникам России» создавалось в соответствии с политическими убеждениями А. С. Пушкина, для которого «польский вопрос» являлся результатом стечения исторических факторов и делом исключительно русско-польских двусторонних отношений. Сходной точки зрения придерживалась значительная часть российского общества, и незаурядная роль, которую играл Пушкин в современной ему русской литературе, побуждала поэта выразить общественные взгляды и настроения в поэтической форме, таким образом предложив читателю вариант общенационального ответа на враждебную риторику со стороны Европы. Пушкин придавал большое значение публикации этого стихотворения, что подтверждается готовностью поэта идти на репутационные потери, вызванные тождеством его политической позиции с официальной точкой зрения.

Афористичность поэтических формул, патриотический пафос и убедительность пушкинского стихотворения превратили это произведение в один из прецедентных текстов русской литературы, вызвавших в дальнейшем целый ряд переосмыслений и тематических вариаций, порожденных сходными историческими ситуациями. Пушкинская позиция в вопросе публикации стихотворения «Клеветникам России», а также аналогичные ситуации в творческой биографии других литераторов, позволяют говорить о закономерности: русская литература XIX в. зачастую составляла оппозицию официальной идеологии, но в моменты исторических испытаний, общенациональных угроз она избегала вносить разлад в общественные настроения и нацеливалась на обеспечение национального идеологического единства.

Список литературы

1. Аржакова Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века [Текст]: автореф. дисс. ... докт. истор. наук: 07.00.09 / Л. М. Аржакова. – М.: 2015. – 43 с.
2. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22-х кн. [Текст] / Н. П. Барсуков. – СПб., 1888–1910. – Кн. 5. – 520 с.
3. Белинский В. Г. Собр. соч. В 3-х т. [Текст] / В. Г. Белинский. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1948. – Т. 2. – 930 с.
4. Бенедиктов В. Г. Стихотворения [Текст] / В. Г. Бенедиктов. – Л.: Сов. писатель, 1983. – 814 с.
5. Беранже П.-Ж. Полн. собр. песен: В 2 т. [Текст] / П.-Ж Беранже. – М.–Л., 1935. – Т. 1. – 854 с.
6. Блудова А. Д. Записки. Глава V. 1831 год. Польский мятеж [Текст] / А. Д. Блудова // Русский архив. – 1874. – № 3. – С. 715–761.
7. Вигель Ф. Ф. Письмо к приятелю в Симбирск [Текст] / Ф. Ф. Вигель // Русский архив, 1893. – Кн. 2. – Вып. 8. – С. 566–584.
8. Вяземский П. А. Записные книжки [Текст] / П. А. Вяземский. – М.: Рус. книга, 1992. – 384 с.

9. Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. [Текст] / П. А. Вяземский. – СПб, 1878–1896. – Т. 6, 11, 12.
10. Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. [Текст] / В. Гюго. – М.: Гослитиздат, 1953–1956. – Т. 14. – 766 с.
11. Жуковский В. А., Пушкин А. С. На взятие Варшавы [Текст] / В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. – СПб.: Военная типография, 1831. – 13 с.
12. Карамзин Н. М. История Государства Российского. В 12 т. [Текст] / Н. М. Карамзин. – СПб., 1816–1829. – Т. 12. – 243 с.
13. Краюшкина Н. Н. «На взятие Варшавы». К вопросу о литературной репутации Пушкина в 1830-е годы [Текст] / Н. Н. Краюшкина // Вестник Адыгейского гуманитарного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2010. – № 1. – С. 23–31.
14. Кузнецов В. А. П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин и Бородино, или За что князь Вяземский критиковал Жуковского и Пушкина [Текст] / В. А. Кузнецов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Мат-лы XX Междунар. науч. конф. – М.: «Бородино», 2018. – С. 261–266.
15. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4-х тт. [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – Л.: «Наука», 1979–1981. – Т. 1. – 655 с.
16. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. [Текст]. – М.: Слово, 1999. – Т. 3 (1829–1832). – 624 с.
17. Муравьева О. С. «Вражды бессмысленной позор...» Ода «Клеветникам России» в оценках современников [Текст] / О. С. Муравьева // Новый мир. – 1994. – № 6. – С. 198–204.
18. Орехов В. В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге первой половины XIX в.) [Текст] / В. В. Орехов. – Симферополь: Антиква, 2006. – 608 с.
19. Орехова Л. А., Сущинина С. С. Крымская война в жизни и творчестве П. А. Вяземского [Текст] / Л. А. Орехова, С. С. Сущинина // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 42–50.

20. Переписка Н. А. Некрасова. В 2-х т. [Текст]. – М.: Худ. лит., 1987. – Т. 1. – 543 с.
21. Поэты 1820–1830-х годов: В 2-х т. [Текст]. – Л.: Советский писатель, 1972. – Т. 2. – 765 с.
22. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. [Текст] / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 3. – 495 с.
23. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. [Текст] / А. С. Пушкин. – М.: Воскресение, 1994–1997. – Т. 13, 14.
24. Ратников К. В. Русские стихотворные отклики на Польское восстание 1830–1831 гг. как дополнительный исторический источник [Текст] / К. В. Ратников // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007. – № 7. – Ч. 1. – С. 153–155.
25. Тарле Е. В. Самодержавие Николая I и французское общественное мнение [Текст] / Е. В. Тарле // Былое. – Петербург, 1906. – № 9. – С. 12–42.
26. Тютчев Ф. И. Сочинения. В 2-х т. [Текст] / Ф. И. Тютчев. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 1. – 495 с.
27. Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 г. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» [Текст] / В. А. Францев. – Прага, 1929. – 144 с.

References

1. Arzhakova L. M. *Polskiy Vopros i ego Prelomleniye v Rossiiskoi i Istoricheskoi Polonistike XIX Veka: Avtoref. Diss. ... Dokt. Istor. Nauk* [The Polish Question and its Refraction in Russian Historical Polonistics of the 19th Century]. Moscow, 2015.
2. Barsukov N. P. *Zhizn i Trudy M. P. Pogodina. V 22-h Kn.* [Life and Works of M. P. Pogodin in 22 Volumes]. Sankt-Peterburg, 1888–1910, v. 5. 520 p.
3. Belinskij V. G. *Sobr. Soch. V 3-h t.* [Collected Works in 3 Volumes]. Moscow: Gosudarstvennoye Izdatelstvo Khudozhestvennoi Literatury Publ., 1948, v. 2. 930 p.
4. Benediktov V. G. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskii Pisatel Publ., 1983. 814 p.

5. Beranzhe P.-Zh. *Polnoye Sobraniye Pesen: V 2 t.* [Complete Songs in 2 Volumes]. Moscow–Leningrad, 1935, v. 1. 854 p.
6. Bludova A. D. *Zapiski. Glava V. 1831 God. Polskii Myatezh* [Notes. Chapter V. 1831. The Polish Rebellion]. *Russkii Arhiv*, 1874, no. 3, pp. 715–761.
7. Vigel F. F. *Pismo k Priyatelju v Simbirsk* [A Letter to a Friend in Simbirsk]. *Russkii Arhiv*, 1893, v. 2, no. 8, pp. 566–584.
8. Vyazemsky P. A. *Zapisnye Knizhki* [Notebooks]. Moscow: Russkaya Kniga Publ., 1992. 384 p.
9. Vjazemsky P. A. *Poln. Sobr. Soch.: V 12 t.* [Complete Works in 12 Volumes]. Sankt-Peterburg, 1878–1896, v. 6, 11, 12.
10. Gyugo V. *Sobr. Soch.: V 15 t.* [Collected Works in 15 Volumes]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1953–1956, v. 14. 766 p.
11. Zhukovsky V. A., Pushkin A. S. *Na Vzyatiye Varshavy* [In Honor of the Capture of Warsaw]. Sankt-Peterburg: Voennaya Tipografiya Publ., 1831. 13 p.
12. Karamzin N. M. *Istoriya Gosudarstva Rossiiskogo. V 12 t.* [History of the Russian State in 12 Volumes]. Sankt-Peterburg, 1816–1829, v. 12. – 243 p.
13. Krayushkina N. N. *Na Vzyatiye Varshavy. K Voprosu o Literaturnoi Reputatsii Pushkina v 1830-e Gody* [On the Capture of Warsaw. To the Question of Pushkin's Literary Reputation in the 1830^s]. *Vestnik Adygeiskogo Gumanitarnogo Universiteta Publ., Seriya 2. Filologija i Iskusstvovedenie*. Maikop, 2010, no. 1, pp. 23–31.
14. Kuznetsov V. A. *P. A. Vyazemsky, V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin i Borodino, ili Za chto knjaz Vyazemsky Kritikoval Zhukovskogo i Pushkina* [P. A. Vyazemsky, V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin and Borodino, or Why did Prince Vyazemsky criticize Zhukovsky and Pushkin]. *Otechestvennaya Voina 1812 Goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Mat-ly XX Mezhdunar. Nauch. Konf.* Moscow: Borodino Publ., 2018, pp. 261–266.
15. Lermontov M. Yu. *Sobr. Soch.: V 4-h t.* [Collected Works in 4 Volumes]. Leningrad: Nauka Publ., 1979–1981, v. 1. 655 p.
16. *Letopis Zhizni i Tvorchestva A. S. Pushkina: V 4 t.* [Chronicle of the Life and Work of A. S. Pushkin in 4 Volumes]. Moscow: Slovo, 1999, v. 3 (1829–1832). 624 p.

17. Muravyova O. S. *Vrazhdy Bessmyslennoi Pozor... Oda Klevetnikam Rossii v Otsenkakh Sovremennikov* [Shame on Senseless Enmity... Ode to the Slanderers of Russia in the Assessments of Contemporaries]. *Novyi Mir*, 1994, no. 6, pp. 198–204.
18. Orekhov V. V. *Russkaya Literatura i Nacionalnyi Imidzh (Imagologicheskii Diskurs v Russko-Frantsuzskom Literaturnom Dialoge Pervoi Poloviny XIX v.)* [Russian Literature and National Image (Imagological Discourse in the Russian-French Literary Dialogue of the First Half of the 19th Century)]. Simferopol: Antikva Publ., 2006. 608 p.
19. Orekhova L. A., Sushhinina S. S. *Krymskaya Voina v Zhizni i Tvorchestve P. A. Vyazemskogo* [Crimean War in the Life and Work of P. A. Vyazemsky]. *Istoricheskoye Naslediye Kryma*. Simferopol, 2005, no. 10, pp. 42–50.
20. *Perepiska N. A. Nekrasova. V 2-h t.* [Correspondence of N. A. Nekrasov in 2 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1987, v. 1. 543 p.
21. *Poety 1820–1830-kh Godov: V 2-kh t.* [Poets of the 1820–1830s in 2 Volumes]. Leningrad: Sovetskii Pisatel Publ., 1972, v. 2. 765 p.
22. Pushkin A. S. *Polnoye Sobraniye Sochinenii: V 10 t.* [Complete Works in 10 Volumes]. Leningrad: Nauka Publ., 1977, v. 3. 495 p.
23. Pushkin A. S. *Polnoye Sobraniye Sochinenii: V 19 t.* [Complete Works in 19 Volumes]. Moscow: Voskreseniye Publ., 1994–1997, v. 13, 14.
24. Ratnikov K. V. *Russkie Stikhotvornye Otkliki na Polskoe Vosstanie 1830–1831 gg. kak Dopolnitelnyi Istoricheskii Istochnik* [Russian Poetic Responses to the Polish Uprising of 1830–1831 as an Additional Historical Source]. *Almanakh Sovremennoi Nauki i Obrazovaniya*. Tambov: Gramota Publ., 2007, no.7, ch. 1, pp. 153–155.
25. Tarle E. V. *Samoderzhaviye Nikolaya I Frantsuzskoye Obshhestvennoye Mneniye* [Autocracy of Nicholas I and French Public Opinion]. *Byloe*. Peterburg, 1906, no. 9, pp. 12–42.
26. Tyutchev F. I. *Sochineniya. V 2-kh t.* [Compositions in 2 Volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1984, v. 1. 495 p.
27. Frantsev V. A. *Pushkin i Polskoye Vosstaniye 1830–1831 g. Opyt Istoricheskogo Kommentariya k Stikhotvorennyam Klevetnikam Rossii i Borodinskaya Godovshhina* [Frantsev V. A. Pushkin and the Polish uprising of 1830–1831 Attempted historical

commentary on the poems Slanderers of Russia and Borodino Anniversary]. Praga, 1929. 144 p.

**TO THE SLANDERERS OF RUSSIA:
AUTHOR POSITION AND LITERARY REPUTATION**

Orekhov V. V.

Summary. The article explores the motives that made A. S. Pushkin create an ode to the To the slanderers of Russia. In the article, the Pushkin text is studied in the context of Russian public ideas about the Polish question, as well as in the context of Russian-French relations of that era. An analysis of the literary material allows us to conclude that the poem Slanderers of Russia was created in accordance with the political convictions of Pushkin. The poet believed that the Polish question was the result of a confluence of historical factors and a matter of exclusively Russian-Polish bilateral relations. Pushkin occupied an extraordinary place in contemporary Russian literature. This particular literary position and the trust of readers encouraged the poet to express public views and moods in a poetic form. That is why Pushkin created an ode, which is a variant of a nationwide response to the hostile rhetoric that sounded in Europe.

Keywords: imagology, A. S. Pushkin, national image, national stereotype, literary reputation.